

К 100-летию со дня рождения

Лебедев Даниил Владимирович
(1915–2015)

ДАНИИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ
(1915–2015)

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Санкт-Петербург
2015

Авторы:

*доктор педагогических наук, профессор В.П. Леонов
доктор философских наук, профессор Э.И. Колчинский*

В.П. Леонов

ДАНИИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

Л 33 **Даниил Владимирович Лебедев (1915–2015):** к 100-летию со дня рождения: материалы к биографии / БАН, СПбФ ИИЕТ; авт.: В.П. Леонов, Э.И. Колчинский. — СПб.: БАН, 2015. — 42 с.: ил.

Мой путь к знакомству и дружбе с Даниилом Владимировичем Лебедевым лежал через БАН. Он стал для меня олицетворением «великого антилысенковца» (Р.Л. Берг) и всей послевоенной жизни академической библиотеки. Печально и странно, что его имени нет в указателе к «Истории Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 гг.» (М.; Л.: Наука, 1964. 599 с.).

Общаться постоянно с Даниилом Владимировичем я стал с 1987 г. Это был удивительный человек! Он принадлежал к поколению, которое нужно назвать «поколением победителей». Мое поколение, спустя много лет, я смог бы отнести разве что к поколению «детей победителей». Д.В. Лебедев преподавал мне важные уроки жизни: уроки принципиальности, честности, порядочности. Это забыть невозможно.

Предоставлю ему слово: «После ареста Николая Ивановича (Вавилова. — В.Л.) были арестованы наши учителя — Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитский, Л.И. Говоров. Я, как слишком активный антилысенковец, был исключен из аспирантуры, из комсомола. И когда вернулся с фронта, мне некуда было идти работать по генетике, а у меня был интерес и опыт, и меня пригласили заведовать библиотекой в Ботанический институт. По-видимому, я неплохо работал, потому что через три года (май 1949 г. — В.Л.) меня назначили заместителем директора БАН, а через 20 дней, когда умер директор (И.И. Яковкин. — В.Л.), я стал исполняющим обязанности директора БАН. Моим непосредственным начальником был Сергей Иванович (Вавилова. — В.Л.). И я имел счастье неоднократно с ним общаться.

Надо сказать, что Сергей Иванович с исключительным вниманием относился к библиотечному делу. Ходил всегда, если можно, на заседания библиотечной комиссии Академии наук и всегда там выступал. После Сергея Ивановича были и другие президенты Академии наук, люди, которые достойно занимали этот пост... Но никто

из них не уделял такого внимания и так не жил библиотекой. И когда Сергей Иванович приезжал в Ленинград, он очень часто приходил в нашу Библиотеку, и мы устраивали ему выставку интересных книг, которые он рассматривал с большим вниманием, с большим интересом.

Я неоднократно был у него на приеме: человек доступный, демократичный. Два раза пришлось докладывать на Президиуме, когда председательствовал Сергей Иванович. Вот несколько таких разговоров с ним.

Я уже полгода исполнял обязанности директора, ну и пришел к Сергею Ивановичу. После нескольких вопросов я сказал ему, что надо назначать директора. Он говорит: «Я хочу вернуться к тому положению, которое было раньше». Во главе библиотеки Академии наук должен стоять академик, а сейчас Д.В. Наливкин, крупный геолог, без работы¹. Говорит, что во главе фундаментальной библиотеки общественных наук тоже надо поставить академика, есть И.М. Майский, он тоже сейчас без работы, а это вполне интеллигентный человек. Когда президент Академии наук как высшую похвалу академику указывает, что он вполне интеллигентный человек, это, конечно, производит впечатление.

И последнее о том, что мог сделать и что стремился сделать Сергей Иванович. Дело в том, что когда я был назначен исполняющим обязанности директора, то кадровики в штатском показали мне списочек из 100 человек сотрудников Библиотеки Академии наук, в котором кто еврей, кто дворянин, кто был репрессирован, в общем, люди «т а к и е». А в это время пришло «ленинградское дело» и одним из пунктов обвинения было — засорение идеологических кадров. И мне сказали, что нужно от этих товарищей освободиться. Ну и поскольку я освободился от них плохо, так как большинство этих работников были лучшими работниками, то было найдено, что я тоже неподходящий человек и произошло следующее.

Была назначена комиссия, которая обследовала библиотеку во главе с членом-корреспондентом АН СССР Н.К. Пиксановым. Вице-президент Академии В.П. Волгин, председатель библиотечной комиссии, сказал мне: «Он хочет на Вашем трупе в академики пройти, он не пройдет все равно». Я видел, что дело складывается

¹ В мае 1950 г. новый директор БАН академик Дмитрий Васильевич Наливкин назначил Лебедева заместителем со следующим напутствием: «Работайте, а я буду приезжать раз в неделю и принимать жалобы на Вас». См.: *Лебедев Д.В.* Из воспоминаний антильсенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука / под общ. ред. проф. М.Г. Ярошевского. Л., 1991. С. 267.

очень плохо, но выводов комиссии не знал. Потом меня пригласили в Москву вместе с комиссией и познакомили с ними, а там пункт первый — освободить от работы в Академии наук Лебедева, потом заместителя директора В.А. Петрова, потом К.И. Шафрановского и далее человек 10 — 15 лучших работников. Ситуация была такая, что на следующий день мне надо было докладывать состояние кадров на заседании Ученого секретариата, и я понимал, что дело худо.

Я пошел к Сергею Ивановичу, но мне сказали, что Сергей Иванович не может принять, потому что сегодня уезжает в Ленинград. Я сказал, что буду все равно ждать. И когда я к нему пришел и рассказал это дело, он сказал «Что они, с ума сошли?» и при мне позвонил А.В. Топчиеву. И, во-первых, мне удалось сократить этот список до четырех человек, и, во-вторых, у меня была формулировка не «освободить», а «указать». Короче говоря, кончилось тем, что осталось четыре человека, а напоследок я еще одного человека сохранил. Но когда 26 января 1951 года меня в 7 часов утра разбудили звонком и сообщили, что скончался Сергей Иванович, мне было ясно, что моя песенка спета. И действительно, скоро я был снят с работы, исключен из партии и т. д. И тот человек, которого я сохранил тогда, тоже был уволен. Потом все кончилось благополучно после смерти нашего «вождя и учителя»².

Говоря о снятии с работы и исключении из партии, Даниил Владимирович имеет в виду Постановление № 140 Президиума АН СССР от 27 марта 1953 г.: «О мерах по устранению недостатков в деле хранения, учета и сохранности библиотечных фондов в Библиотеке АН СССР». Первые четыре пункта Постановления и сегодня звучат злоеще:

1. За преступно халатное отношение к своим обязанностям, приведшее к развалу работу по учету и хранению фондов Библиотеки, снять с работы и уволить из Академии наук Д.В. Лебедева.

2. За недопустимо халатное отношение к организации учета и хранения библиотечных фондов... снять с должности заместителя директора Библиотеки и уволить из АН СССР к.и.н. В.А. Петрова.

3. За халатное отношение к служебным обязанностям... уволить из Библиотеки и из Академии наук бывшего ученого секретаря Библиотеки Н.В. Новикова и бывшего ученого секретаря Библиотеки К.И. Шафрановского.

² Подробнее см.: Воспоминания Д.В. Лебедева // Братья Николай и Сергей Вавиловы: Вечер воспоминаний из цикла «Былое и думы» Ленинградского отделения Советского фонда культуры 6 января 1989 года. М., 1991. С. 48–52.

4. За безответственное отношение к учету, хранению и обработке особых фондов Библиотеки снять с работы и уволить из Академии наук СССР бывшего заведующего особыми фондами М.М. Гуревича...

Я часто бывал дома у Даниила Владимировича и Ирины Васильевны Гудовщиковой. Они всегда интересовались, чем и как живет БАН, давали нужные советы. После февральского пожара я предложил профессору Ю.А. Петросяну — председателю библиотечного совета при Президиуме СПб НЦ — ввести в состав совета Д.В. Лебедева и Юрий Ашотович согласился. Авторитет Даниила Владимировича в библиотечном академическом сообществе был достаточно высок. Это было очень важное решение.

Уже потом, два года спустя, когда началась новая волна критики и появилось небезызвестное письмо академика Д.С. Лихачева, Д.В. Лебедев на специальном заседании Библиотечного совета выступил в мою защиту. Он сказал: *«Письмо Лихачева основано на слухах и не соответствует действительности... Мы должны обсуждать не письмо, а то, как принципиально решить с обменом, какова сегодняшняя цена книг? Считаю, что нужно включить в экспертную комиссию иностранных специалистов»*. Предложение Лебедева было поддержано...

Вспоминаю еще один эпизод нашего общения для понимания мудрости Даниила Владимировича. В 1988 г. писатель Д.А. Гранин в газете «Советская культура» (21 июня) и в сборнике «Иного не дано» с фундаментальным заголовком «Судьба перестройки. Взглядывая в прошлое. Возвращаясь к будущему» (М.: Прогресс, 1988. С. 343–353) опубликовал статью «Кого мы прячем? Зачем?».

Не видя меня в глаза и даже не пытаясь со мной встретиться в БАН, Д. Гранин собирал информацию о пожаре «на заднем дворе библиотеки», общаясь преимущественно со студентами, которые разбирали завалы из сгоревших и обгоревших газет и книг, выброшенных пожарными. Как утверждал затем Д. Гранин, дирекция «продолжала упорно обманывать общественность». И далее: *«Называлось это дезинфекцией, но было самым обыкновенным враньем. Что должен делать порядочный человек, если ему всенародно говорят: Вы лжец! Доказывают это, уличают. Должен был бы, как раньше говорили, сгореть со стыда. Уйти в отставку. Перестать показываться в обществе. Как бы не так. Они продолжают преспокойно действовать и начальствовать...»*.

Даниил Владимирович и Даниил Александрович были старыми друзьями в течение довольно долгого времени. 5 января 2000 г. Лебедеву исполнилось 85 лет. Он пригласил меня к себе домой отметить

С Д.В. Лебедевым в день его 90-летия, январь 2005 г.

это событие. Я с удовольствием принял приглашение. Войдя в квартиру, увидел там еще одного гостя. Это был писатель Д.А. Гранин. После приветствия Гранин, глядя мне в лицо, спросил: «Вы кто?». Я представился: «Валерий Павлович Леонов, директор Библиотеки Академии наук». Возникла пауза, видимо, Гранин начал что-то вспоминать...

Потом, сидя за праздничным столом, Даниил Владимирович очень тактично перевел тему разговора в русло библиотечного и книжного дела, современного его состояния и проблем. В основном спрашивал Гранин, отвечал я. Порой он замечал: «Это очень интересно, что Вы говорите». Впоследствии ни Гранин, ни я не возвращались к этой встрече, но в душе у меня осталось чувство благодарности к Даниилу Владимировичу за такой непростой с его стороны поступок по отношению к старому другу.

БАН для Д.В. Лебедева была местом, где он чувствовал себя комфортно и уверенно, где его знали и уважали. Особенно любил в Библиотеке Справочно-библиографический отдел и Выставку новых поступлений. Когда ему стало трудно ходить, мы начали два раза в неделю привозить Даниила Владимировича на машине в БАН на несколько часов для общения с друзьями и книгами. Эти поездки нас особенно сблизили и стали своеобразной формой диалога.

Вспоминаю дружеское общение Даниила Владимировича в БАН с Ростиславом Николаевичем Здобновым на заседании редакционного совета по подготовке комментированного издания «История русской библиографии до начала XX века», написанного отцом Ростислава Николаевича — выдающимся библиографоведом Николаем Васильевичем Здобновым. Для такой встречи были серьезные основания. Даниил Владимирович вместе с К.И. Шафрановским, Д.Л. Марголиной и В.А. Петровым в свое время проделали большую работу по подготовке второго издания монографии, вышедшей в Академии наук в 1951 г. ...

Имя Даниила Владимировича Лебедева навсегда связано с биографией БАН. Летом 2005 г. его не стало. После прощания, придя домой, я сделал краткую запись: *«19 июня 2005 г. Сегодня прощались Даниилом Владимировичем Лебедевым. Грустно, тяжело... В крематории было около 70 человек. Потом поминки дома в опустевшей теперь без него и Ирины Васильевны квартире... Я думаю, что он остался бы доволен. Собрать в Троицу, в воскресенье столько людей, прекрасных и разных. Вечная ему память...»*.

Э.И. Колчинский

«ЧТОБ ПОМНИЛ И ПОЧИТАЛ УЧИТЕЛЕЙ...»¹

Такую полушутливую фразу-напутствие Даниил Владимирович Лебедев (1915–2005), выдающийся библиограф и историк науки, написал мне 20 марта 1993 г. на титульном листе своего биобиблиографического указателя. Сам он неукоснительно следовал этому принципу всю жизнь, посвятив ее в значительной степени реабилитации своих учителей Н.И. Вавилова, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитского, Л.И. Говорова, выступивших против Т.Д. Лысенко и И.И. Презента и погибших в сталинских застенках. Именно по предложению Д.В. Лебедева, единодушно поддержанного депутатами учредительного съезда Всесоюзного общества генетиков и селекционеров (ВОГиС), в мае 1966 г. новому обществу было присвоено звание Н.И. Вавилова². Он же был одним из главных инициаторов создания Комиссии по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова АН СССР, в которую входил с первых дней ее деятельности³. Значительная часть трудов Д.В. Лебедева, насчитывающих более 600 работ, включая ряд монографий, была посвящена пропаганде и разработке научного наследия Н.И. Вавилова и его соратников.

С начала 1930-х гг. жизнь и деятельность Д.В. Лебедева связана с Академией наук, прежде всего с Библиотекой АН СССР (БАН) и с Ботаническим институтом им. В.Л. Комарова АН СССР (БИН), где наиболее ярко проявился его организаторский талант, подлинный патриотизм и гражданское мужество, а также уникальное умение успешно трудиться как в гуманитарных, так и естественных науках. Будучи ученым секретарем Ботанического института им. В.Л. Комарова, Д.В. Лебедев сыграл ключевую роль в спасении сек-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-00254а.

² Поповский М.А. Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991. С. 273–274.

³ Там же. С. 275.

Таким он нам запомнился

тора истории и теории эволюционного учения Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР (ЛО ИИЕТ) в 1975 г., когда планировали его включить в создаваемый по инициативе Ленинградского обкома КПСС Институт социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР на базе ряда ленинградских филиалов, отделений, отделов и секторов московских институтов Секции общественных наук АН СССР. Лебедев способствовал тому, что сектор был переведен в БИН, откуда вернулся в ЛО ИИЕТ в марте 1978 г. вместе с Д.В. Лебедевым. В ЛО ИИЕТ (ныне Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова), высоко ценили Даниила Владимировича как бескорыстного воспитателя научной смены, яркого докладчика на научных семинарах и конференциях, редактора десятков монографий сотрудников сектора истории и теории эволюционного учения. В этом секторе он проработал без малого 10 лет, но и после выхода на пенсию в 1986 г. до конца продолжал активно участвовать во многих научных проектах, был мудрым советчиком и строгим рецензентом. Лебедев всегда оставался одним из главных моих учителей не только в науке, но и по жизни, и я старался следовать его завету об учителях⁴.

Лебедев прожил долгую и очень яркую жизнь, в которой было немало трагического и героического, стремительных подъемов и падений. Здесь и исключения из комсомола и из партии за противостояние властям, и тягостные дни ожиданий неминуемого ареста, и подвиги во Второй мировой войне, которую он начал младшим лейтенантом в начале июля 1941 г. под Ленинградом, а закончил майором на Дальнем Востоке в сентябре 1945 г. Пассионарий

⁴ Колчинский Э.И. Кирилл Михайлович Завадский: 1910–1977. СПб.: Нестор-История, 2013. 319 с. Колчинский Э.И. Так вспоминается... СПб.: Нестор-История. 2014. 572 с.

Д.В. Лебедев и В.Я. Александров, 1990 г.

по природе, Лебедев обладал уникальным научным и культурным кругозором и был всегда включен в сложные социальные сети. Среди его близких и друзей были крупные политические и общественные деятели, выдающиеся ученые, включая президентов АН СССР В.Л. Комарова и С.И. Вавилова, писатели, имена которых знает весь мир. Многим из них он оказывал щедрую, безвозмездную помощь при написании книг, которые вошли в золотой фонд истории отечественной биологии⁵.

Лебедев внес уникальный вклад в борьбу с лысенковщиной. Не случайно Р.Л. Берг назвала его «великим антилысенкоистом» в своих воспоминаниях «Суховой», опубликованных в 1983 году в Нью-Йорке⁶, а она, как известно, мало о ком отзывалась с одобрением. Сам же он свои заслуги в борьбе с Лысенко оценивал скромнее, чем Р.Л. Берг, называя себя просто «антилысенковцем с довоенным стажем»⁷ и охотно отдавал пальму первенства В.Я. Александрову, П.А. Баранову, Ф.Х. Бахтееву, О.В. Заленскому,

⁵ Резник С.Е. Николай Вавилов. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 333; Гранин Д.А. Зубр. Л.: Советский писатель 1987. С. 126–127, 241; Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко: История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М. Книга, 1993. С. 13; Сойфер В.А. Власть и наука: История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1983. С. 15; и др.

⁶ Берг Р. Суховой: воспоминания генетика. New York: Chalidze, 1983. С. 237–238; Берг Р.Л. Суховой. 2-е испр. и доп. изд. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 527 с.

⁷ Лебедев Д.В. Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука / ред. М.Г. Ярошенко. Л.: Наука, 1991. С. 264–282.

Е.М. Лавренко, И.А. Рапопорту, В.Н. Сукачеву, Н.А. Чуксановой, В.П. Эфроимсону, А.А. Юнатову и т. п.⁸ При активной жизненной позиции он не искал публичной славы. Для него главным был результат, а лавры он спокойно уступал другим.

Но из публикаций тех лет, а также воспоминаний Д.В. Лебедева, его переписки с П.А. Барановым, Н.П. Дубининым, В.Н. Сукачевым, В.П. Эфроимсоном, М.С. Яковлевым и другими видно, что ему принадлежала важная роль в этой борьбе, связанная, прежде всего, с формированием программных установок. Из всех знакомых мне «знаменитых антилысенковцев» 1950–1960-х гг. (В.Я. Александров, К.М. Завадский, В.С. Кирпичников, Ю.М. Оленов, Ю.И. Полянский) Лебедев, вероятно, был самым непримиримым врагом «народного академика». До 1976 г. его неизменным тостом было отнюдь не политкорректное пожелание: «Чтоб он сдох!». Да и после смерти Лысенко всякие попытки оправдать губителя отечественной науки и его учителей приводили в неистовство Даниила Владимировича. Борьба с лысенкоизмом стала главным содержанием его жизни, и Лебедев гордился тем, что ему с коллегами удалось победить в условиях сталинского режима, где порядочность и верность науке порою расценивалась как политическое преступление.

Становление ученого и гражданина

Даниил Владимирович Лебедев родился 23 декабря 1914 г. по старому стилю в с. Старо-Игнатьевка Мариупольского уезда Екатеринославской губернии, где семья прожила до 1923 г.⁹ Его отец Владимир Михайлович Лебедев был земским врачом и почетным потомственным гражданином, депутатом 1-й Государственной думы. Мать Анна Исааковна Лебедева (девичья фамилия Сандерс), по происхождению мещанка, работала фельдшерницей в сельской больнице. В 1924 г., после недолгого проживания на заводе им. Ильича близ Мариуполя, семья переехала в Иваново-Вознесенск, где отец работал до конца своих дней, т. е. до 1933 г. У Даниила Владимировича была сестра Надежда Владимировна, которая впоследствии жила в Москве. Он был очень дружен с ней. В 16 лет Лебедев закончил школу II степени. Как и все активные юноши того времени,

он интересовался политикой страны, активно читал газеты, брошюры, книги. О событиях в высших эшелонах власти Лебедев, судя по его рассказам, многое узнавал из рассказов своего дяди Платона Михайловича Лебедева (псевдоним Керженцев) — крупного политического и государственного деятеля в 1920–1930-х гг., известного также экономиста, историка, публициста, исследователя в области организации труда и управления.

Широко эрудированный Керженцев с легендарным по тем временам дореволюционным прошлым, бесспорно, оказал сильное влияние на формирование круга интересов и жизненных ценностей Лебедева. Юный Даниил ходил на все заседания Общества воинствующих материалистов-диалектиков, где было немало блестящих докладчиков, включая лидера марксистской философии академика А.М. Деборина, заклеянного И.В. Сталиным за «меньшевистствующий идеализм», инициатора социальной истории науки Б.М. Гессена, ученика Н.И. Бухарина В.Н. Астрова, а также будущего академика Я.К. Сыркина, сторонника раскритикованной в 1950-х гг. теории резонанса в химии. Через марксистскую литературу по естествознанию Лебедев познакомился с тогдашними дискуссиями в эволюционной теории и генетики и вначале стал на сторону ламаркистов.

С 16 лет Даниил Владимирович начал трудиться в Ивановском областном отделении треста «Центромелиострой», сначала как практикант в полевых геоботанических работах, затем — помощник геоботаника, младший геоботаник, а на следующий год уже как самостоятельный исследователь. В апреле 1932 г. он переехал в Ленинград, где с мая 1932 по июнь 1933 г. работал помощником геоботаника в БИН в Нижневолжской комплексной экспедиции. По ее результатам Лебедев опубликовал первую свою научную работу о растительности обследуемых районов¹⁰, а также участвовал и в составлении геоботанической карты этой территории¹¹. Следующие публикации Лебедева появились только через 12 лет.

В эти годы он познакомился со многими знаменитыми ботаниками (Б.А. Келлером, В.Л. Комаровым, В.Н. Сукачевым и др.), сотрудничество с которыми окончательно предопределило его

¹⁰ *Лебедев Д.В.* Климатический очерк: Очерк растительности сыртовой части Нижневолжского края в области проектируемого орошения // Труды Комиссии по ирригации. 1934. Вып. 2. С. 11–17.

¹¹ Геоботаническая карта области проектируемого орошения северной части Нижневолжского края // Труды Комиссии по ирригации. 1934. Вып. 2. Вклейка за с. 98.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Архив Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (Архив БИН). Ф. 273. Оп. 13. № 106. Л. 1.

Из архива Библиотеки
Ботанического института РАН

судьбу. В 1933 г. Даниил Владимирович поступил на биологический факультет Ленинградского университета, деканом которого в то время был крупный морфолог и эволюционист, член-корреспондент АН СССР В.С. Догель. В те годы на факультете трудилось блестящее созвездие биологов, в том числе создатели крупных направлений в различных областях биологии: ботаники Н.А. Буш, В.Л. Комаров и А.П. Шенников, гидробиолог К.М. Дерюгин, эколог Д.Н. Кашкаров, почвовед С.П. Кравков, биохимики Е.С. Лондон и В.А. Энгельгардт, энтомолог М.Н. Римский-Корсаков, физиолог А.А. Ухтомский и др. А вот курс лекции по теории эволюции, которая в те годы больше всего интересовала Лебедева, читал будущий главный идеолог лысенкоизма И.И. Презент, в то время ратовавший еще за развитие теории Дарвина на базе диалектического материализма и с учетом новейших достижений генетики¹². По воспоминаниям Лебедева, в те годы многие маститые ученые искренне пытались при помощи Презента овладеть диалектико-материалистической методологией. Во время одной из партийных чисток, где проверялся Презент, поддержать его пришли будущий главный противник Лысенко член-корреспондент АН СССР В.Н. Сукачев и будущий сторонник Лысенко академик Б.А. Келлер, оба уверявшие, что благодаря И.И. Презенту для них открылись богатства марксистско-ленинской методологии и ее эффективность в биологии.

К тому времени Лебедев под влиянием работ биологов-марксистов И.И. Агола, М.М. Местергази, И.М. Полякова, А.С. Серебровского, В.Н. Слепкова и других уже был убежденным сторонником теории естественного отбора и генетики. Он зачитывался книгой

«Теоретическая биология» Э. Бауэра, вскоре репрессированного, и сделал о ней свой первый научный доклад¹³. Испытывая недоверие к демагогическим рассуждениям Презента, Даниил Владимирович для специализации выбрал кафедру генетики растений, которую создал и возглавил Г.Д. Карпеченко, ближайший сподвижник Н.И. Вавилова, крупный цитогенетик, автор всемирно известных экспериментов по получению плодовых гибридов и полидиплоидных форм шестирядного ячменя и др. Верными соратниками и единомышленниками Н.И. Вавилова были другие профессора кафедры: цитогенетик Г.А. Левитский, прикладные ботаники Л.И. Говоров и М.А. Розанова. Здесь же работали и будущие известные генетики и селекционеры М.И. Хаджинов, А.Н. Лутков и О.Н. Сорокина.

В те годы генетика уже стала объектом ожесточенных атак, и чувство врожденной справедливости и жажда борьбы за правое дело, видимо, предопределили выбор Лебедевым гонимой генетики в качестве специальности. В 1938–1941 гг. он аспирант кафедры генетики растений, а его научным руководителем стал Г.Д. Карпеченко. Уже здесь Лебедев уделял много внимания борьбе с юными сторонниками Лысенко, участвуя в дискуссиях с ними на биологическом факультете и в Петергофском биологическом институте ЛГУ. Вместе с ним в этих дискуссиях участвовали другие воспитанники кафедры генетики: Д.Р. Габеев, Р.Х. Макашев, Г.Д. Муретов, Г.А. Розенштейн и др. Все они ощущали себя солдатами небольшого отряда, ведомого Н.И. Вавиловым, Г.Д. Карпеченко, Л.И. Говоровым, Г.А. Левитским и Ю.И. Полянским, поднявшегося на борьбу за свободу науки.

После ареста Г.Д. Карпеченко и других профессоров кафедры генетики растений: Л.И. Говорова и Г.А. Левитского, разделивших трагическую судьбу Н.И. Вавилова, не приходилось уже думать о защите диссертации. В марте 1941 г. Лебедев на комсомольском собрании факультета отказался «раскаяться» и был исключен из комсомола за недоверие «к славным органам безопасности», прошедшим аресты¹⁴. Это означало и автоматическое изгнание из аспирантуры. Характерно, что в 1941 г., когда еще был памятен Большой террор и трагическая судьба сомневавшихся в его необходимости, треть комсомольцев-участников собрания голосовали против исключения своего

¹³ К сожалению, не удалось найти рукопись доклада.

¹⁴ Думается, что в то время Лебедеву было нелегко принять такое решение, ведь он был уже женат (жена Валерия Александровна, физиолог) и имел сына Александра (1939 г. рождения). Второй сын Андрей родился в 1950 г. также накануне следующего этапа гонений Лебедева. Ф. 273. Оп. 13. № 106. Л. 2–3.

¹² Колчинский Э.И. Исая Израилевич Презент — герой своего времени // DAMU-Nefte Lomonosov. 1999. № 3. С. 17–29.

товарища, усомнившегося в правильности действий органов НКВД. Еще более удивительным, полагал Лебедев, было поведение секретаря партийной организации биологического факультета Э.Ш. Айрапетьянца, «прославившегося» активностью во время Павловской объединенной сессии АН СССР и АМН СССР. На собрании он требовал исключить Лебедева из комсомола и грозил суровыми карами ослушникам. Сразу же после завершения собрания он попросил Даниила Владимировича зайти к нему на следующий день. Выяснилось, что симпатии Айрапетьянца тоже на стороне Лебедева, но ему и М.Е. Лобашеву буквально накануне собрания в университетской газете было сделано «последнее предупреждение»: «...если они не займут правильной позиции в борьбе против реакционной науки и ее носителей, то будет поставлен вопрос об их пребывании в партии»¹⁵. Публично ослушаться такого предупреждения в то время означало обречь себя на гибель. А непублично Айрапетьянец помог Лебедеву, попросив будущего академика АН СССР А.Л. Тахтаджяна пригласить на работу в Ереван бывшего аспиранта¹⁶. Вместе с Лебедевым Айрапетьянец пошел за поддержкой к директору Эрмитажа академику И.А. Орбели, который одновременно был председателем Президиума Армянского филиала АН СССР. Тот подписал все нужные бумаги. В мае 1941 г. Лебедев был зачислен и. о. научного сотрудника Ботанического института в Ереване и приступил к работе 2 июня 1941 г.

Война и военно-патриотическая деятельность

Разразившаяся через 20 дней война поставила точку в этой истории. Органам было не до поисков «нераскаившегося аспиранта», который, однако ничего не забывал и всю дальнейшую жизнь фактически посвятил восстановлению исторической справедливости по отношению к Н.И. Вавилову, Г.Д. Карпеченко и другим погибшим генетикам. Согласно мобилизационному предписанию Лебедев вернулся в Ленинград и с июля 1941 г. участвовал в боях на Ленинградском фронте, пережив трагические события первых месяцев войны, в том числе и прорывы с боями из окружений, имел ранения. При-

¹⁵ Биофак должен стать оплотом революционной передовой науки // Ленинградский университет. № 10 (454). 14 марта 1941 г. С. 1.

¹⁶ Лебедев Д.В. Из воспоминаний антильсенковца... С. 266.

сущие ему быстрота реакции, оперативность, умение правильно оценить обстановку и выбрать оптимальные действия, решительность, личное мужество, готовность брать ответственность на себя способствовали быстрому продвижению по службе. Был на различных офицерских должностях от командира взвода и адъютанта стрелкового батальона до начальника штаба стрелкового полка на 3-м Белорусском фронте (с 1944 г.)¹⁷. Тем не менее «тьнь политической неблагонадежности» шла за ним. Дважды его направляли служить в штаб 23-й армии, а затем без объяснения причин отправляли обратно¹⁸. Лебедев закончил войну исполняющим должность командира полка в составе Забайкальского фронта на Дальнем Востоке¹⁹. Боевые награды, включая ордена Красного Знамени и Отечественной войны I и II степеней и четыре медали, полученные на фронте, свидетельствовали о том, что воевал он храбро. Впоследствии к ним добавилось еще несколько юбилейных наград, включая бронзовую медаль Президиума Верховного народного хурала Монгольской народной республики «30 лет победы над милитаристской Японией» (1976 г.).

Лебедев не захотел продолжать карьеру боевого офицера, но до конца дней оставался верным боевому братству и пользовался громадным авторитетом среди однополчан, избравших его в 1970-х гг. председателем Совета ветеранов 124-й Мгинско-Хинганской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии. Эти обязанности он выполнял безукоризненно и тратил массу времени на военно-политическое воспитание подрастающего поколения и на помощь однополчанам. Для кого-то он добивался справедливой пенсии, для других — улучшения жилищных условий, для

Д.В. Лебедев, осень 1942 г.

¹⁷ Архив БИН. Ф. 273. Оп. 8. № 589. Л. 3.

¹⁸ Лебедев Д.В. Из воспоминаний антильсенковца... С. 278.

¹⁹ Архив БИН. Ф. 273. Оп. 8. № 589. Л. 3.

третьих — санаторно-курортного лечения. Сотни, если не тысячи ветеранов обязаны ему за помощь в трудные моменты жизни. Защищая их интересы, Лебедев обращался в самые высокие инстанции и, как истинный боец, не успокаивался до тех пор, пока не добивался положительного решения задачи. А ведь большинство из тех, за кого Лебедев хлопотал, он чаще всего даже не встречал на фронте. Дивизия насчитывала около десяти тысяч бойцов, а ее состав постоянно обновлялся в ходе боевых действий.

К фронтовым впечатлениям Даниил Владимирович относился трепетно, часто о них вспоминал в повседневной жизни, что вообще нехарактерно для ветеранов. Рассказы его выглядели без героического флера и прикрас, пожалуй, даже настолько реально, что в те годы закрадывалась мысль, а стоит ли об этом вообще говорить. Как командиру, ему порой приходилось принимать жесткие меры, чтоб поднять людей в атаку или подавить у них мысль о возможности спасения путем сдачи в плен. В изображении теневых сторон боевых действий Лебедев был верен себе: только правда, как бы она ни была неприятна. Вместе с тем он прекрасно осознавал величие подвига советского солдата, спасшего Россию и ее народ от неизбежного уничтожения в соответствии с планом «Ост»²⁰. Не из газет, а из фронтового опыта и дотла уничтоженных вместе с населением российских сел и разоренных городов он знал, для чего гитлеровцы пришли в Россию и трагил массу сил и энергии, чтоб донести свои свидетельства для подрастающего поколения, ведя огромную патристическую работу в школах. Вплоть до распада Советского Союза Лебедев играл основную роль в ежегодном сборе ветеранов своей дивизии в Ленинграде на День Победы, добиваясь для приезжавших из других городов сотни мест в гостиницах, общежитиях, заказывая автобусы и готовя фронтовой ужин с обязательными ста граммами водки. Эту огромную работу он делал с душой, тратя массу времени и сил в ущерб личным интересам.

Первые послевоенные годы и очередные репрессии

Демобилизовавшись в феврале 1946 г., Лебедев выбрал новую для себя специальность заведующего научной библиотекой в БИН, где в короткий срок овладел комплексом специальных библиотечных

²⁰ Rössler M., Schleiermacher S. (Hrsg). Der «Generalplan Ost». Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. Berlin: Akademie Verlag, 1993.

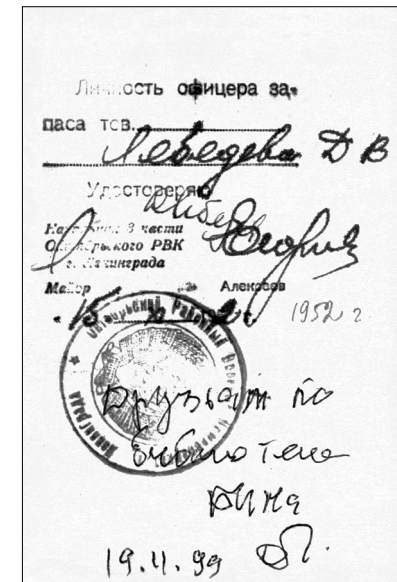
и библиографических знаний, демонстрируя потрясающую публикационную активность в журналах «Природа», «Советская ботаника» и «Ботанический журнал». Складывается впечатление, что он лихорадочно наверстывал упущенное в аспирантские и фронтовые годы. Начиная с 1947 до 1952 г. ежегодно выходит 30–40 подготовленных им рецензий, обзоров биологической периодики и литературы в разных странах (в СССР, США, Болгарии, Венгрии, Албании), кратких сообщений о новых открытиях в генетике, биохимии и физиологии растений²¹. Все это выдвинуло его сразу в число ведущих библиографов в области биологии.

Проблемы генетики отныне не входили в круг его профессиональных интересов, а печальная судьба учителей и чудом не состоявшийся арест, казалось, подсказывали держаться в стороне от начатого после войны академиком В.Н. Сукачевым и И.И. Шмальгаузенем нового раунда борьбы с Т.Д. Лысенко. Все было наоборот. «Пепел Клааса стучал в его сердце». Будучи заместителем секретаря парторганизации БИН, он возобновил контакты с В.Н. Сукачевым, обсуждая возможность замены Б.К. Шишкина на посту директора БИН В.Ф. Купревичем, Е.М. Лавренко или В.И. Полянским, которые могли быть более активными и полезными в этой борьбе²². К чести Шишкина, надо сказать, что после августовской сессии ВАСХНИЛ он не стал выполнять приказ об изгнании из БИН антилысенковцев, заявив, что в Институте «морганистов нет и никого увольнять не надо»²³. Оставили в БИН и Лебедева, допускавшего в рецензиях

²¹ Ефимова Е.П., Огурцова О.И., Панкратова Г.Н. Даниил Владимирович Лебедев: библиографический указатель / ред. М.Э. Кирпичников, К.В. Лютова. СПб.: БАН, 1992. С. 13–23.

²² Колчинский Э.И., Конашев М.Б. Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал»? // ВИЕТ. 2003. № 4. С. 62–63.

²³ Лебедев Д.В. Из воспоминаний антилысенковца... С. 278.

Документ из архива Библиотеки Ботанического института РАН

1947—1948 гг. «ряд ошибок морганистского характера», но открыто «признавшего» их и осужденного парторганизацией БИН²⁴. Его вместе с другим убежденным противником Т.Д. Лысенко — В.И. Полянским только вывели из состава партбюро.

В мае 1949 г. по предложению директора БАН И.И. Яковкина Президиум АН СССР назначил Лебедева заместителем директора БАН. Через 20 дней Яковкин умер, Лебедева назначали временно исполняющим обязанности директора одной из крупнейших библиотек мира. В этой должности он пробыл чуть меньше года, неоднократно встречаясь с С.И. Вавиловым, дважды докладывая на Президиуме АН СССР²⁵. С самого начала стало ясно, что представления отдела кадров и Лебедева о том, кто должен работать в БАН, а кого следует уволить, диаметрально противоположны. Уже в июля 1949 г. Василеостровский райком ВКП(б) обязал Лебедева провести кадровую чистку в БАН, уволив наиболее квалифицированных сотрудников как выходцев из дворян, купцов, священников или имевших родственников за границей, однако он фактически это требование проигнорировал.

В мае 1950 г. исполняющим обязанности директора БАН назначили известного геолога академика Д.В. Наливкина. Новый руководитель БАН оставил Лебедева в должности своего заместителя, поручив фактическое управление БАН, пообещав приезжать раз в неделю, чтобы принимать жалобы на него²⁶. Но и сам Наливкин как беспартийный дворянин, имевший, осужденных за антисоветскую деятельность сестру и зятя, оказался уязвим. Попытка соблюсти на этом посту профессионализм вызвала стандартный в те годы набор обвинений в космополитизме, засорении кадров, препятствии в «очистке» фондов от политически вредных книг, в идеологических прегрешениях и т. д. Жесткость формулировок была обусловлена и тем, что мать Даниила Владимировича была еврейка, что было крупным его политическим «прегрешением» в разгар борьбы с «безродными космополитами». Опираясь на помощь С.И. Вавилова, некоторое время удавалось нейтрализовать обвинения и избегать массовых увольнений в БАН, но после его смерти это стало невозможным.

Ботаники пытались как-то помочь Лебедеву. В отзыве от 29 мая 1951 г. на работу Лебедева в «Ботаническом журнале» ответственный

²⁴ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. Д. Л. 3.

²⁵ *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН, 2000. С. 364—365.

²⁶ *Лебедев Д.В.* Из воспоминаний антилысенковца... С. 267.

редактор журнала Е.М. Лавренко и ученый секретарь Ан. А. Федоров подчеркивали, что считают «...Д.В. Лебедева весьма ценным и совершенно незаменимым специалистом в области ботанической библиографии»²⁷. Защищали Лебедева и заместитель директора БИН Ал. А. Федоров и секретарь парторганизации БИН М.С. Яковлев²⁸. Все было тщетно.

В ноябре 1951 г. Лебедева освободили от должности заместителя директора БАН, назначили главным библиотекарем и заведующим библиотекой БИН, потом перевели на должность старшего библиографа там же, затем уволили. Еще в мае 1951 г. Василеостровский райком ВКП(б) партии исключил Лебедева из партии²⁹, в которую он вступил в 1943 г. на фронте, «за непринятие мер к очищению кадров Библиотеки АН СССР и за сокрытие при вступлении в партию факта проживания родственников за границей»³⁰. В августе 1952 г. это решение было утверждено Ленинградским обкомом ВКП(б). По апелляции Лебедева в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС на имя ее председателя М.Ф. Шкирятова 13 декабря было подготовлено письмо «О засоренности кадров людьми, не внушающими доверия в Библиотеке АН СССР в Ленинграде», в котором на нескольких страницах излагались идеолого-политические проступки Лебедева³¹. Дважды заводили уголовное дело, в квартире был произведен обыск. На этот раз от ареста спасла смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 г. Но еще долго высокие партийные инстанции вплоть до Секретариата ЦК КПСС, Комиссии партийного контроля и Отдела науки ЦК КПСС занимались делом Лебедева, восстановленного на работе в БАН в мае 1953 г. решением Обкома профсоюзов. В тот же день ему одним приказом объявили выговор и снова уволили³².

Добрая память о недолгом директорстве Д.В. Лебедева до сих пор сохраняется среди коллектива БАН, хотя почти не осталось в живых свидетелей его деятельности в те годы. В 1995 г., когда влиятельные лица выступили против директора БАН В.П. Леонова, добиваясь его замены на основе вздорных обвинений и с письмом-доносом обратились к президенту Ю.С. Осипову³³, Лебедев выступил в за-

²⁷ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 2—4.

²⁹ Архив БИН. Ф. 273. Оп. 8. Д. 569. Л. 3.

³⁰ Архив БИН. Ф. 273. Оп. 13. Д. 106. Л. 2.

³¹ *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России... С. 366—369.

³² *Лебедев Д.В.* Из воспоминаний антилысенковца... С. 267.

³³ *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России... С. 375—376.

шиту подвергавшегося травле и коллектив БАН принял его сторону. Заступничество пенсионера, даже не кандидата наук, оказалось весомее мнения титулованных оппонентов, поскольку в БАН все знали об исключительной честности и принципиальности Лебедева. Благодаря Лебедеву изменил свою позицию по этому вопросу и Д.А. Гранин³⁴.

«Непревзойденный мастер для статей широкого биологического профиля»

Слова, взятые из письма В.Н. Сукачева Лебедеву от 20 февраля 1959 г.³⁵, наиболее точно характеризуют творчество Д.В. Лебедева с 1953 по 1978 г. Этот этап в биографии Д.В. Лебедева начался в июле 1953 г., когда по инициативе директора БИН П.А. Баранова Президиум АН СССР назначил его младшим сотрудником группы истории и библиографии ботаники БИН. В июне 1954 г. Лебедев был восстановлен в партии по инициативе парторганизации БИН. С августа 1962 по апрель 1978 г. Лебедев занимал должность ученого секретаря этого крупнейшего биологического института Ленинграда. Обращаясь 25 июля 1962 г. к академику-секретарю Отделения биологических наук АН СССР Н.М. Сисакяну с просьбой утвердить Д.В. Лебедева ученым секретарем БИН, Ал. А. Федоров подчеркивал, что отсутствие научной степени не помещало ему стать ведущим специалистом в области истории и библиографии ботаники³⁶.

Отныне его научно-исследовательская деятельность всецело связана с историей и библиографией ботаники. За четверть века (1953–1978) он опубликовал свыше 400 трудов по ботанике, истории науки, библиографии³⁷, получивших признание во всем мире, в т. ч. около 200 биографий отечественных и зарубежных ботаников во 2-м и 3-м изданиях БСЭ, составил списки печатных работ Р.И. Аболина, А.А. Гроссгейма, А.А. Колаковского, Е.М. Лавренко, М.С. Навашина, В.Н. Сукачева, Б.К. Шишкина и др. Им написаны блестящие очерки о жизни и деятельности В.Я. Александрова, П.А. Бара-

³⁴ *Леонов В.П.* Библиотека Академии наук. Опыт биографии. СПб.: Наука, 2013. С. 142–143.

³⁵ *Колчинский Э.И., Конашев М.Б.* «Ботанический журнал» и другие. Архивные документы о борьбе с лысенковщиной // *Нестор.* 2005. Т. 9. 2005. С. 51.

³⁶ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 113. С. 10–11.

³⁷ *Ефимова Е.П., Огурцова О.И., Панкратова Г.Н.* Даниил Владимирович Лебедев... С. 24–52.

нова, Ф.Х. Бахтеева, В.П. Бочанцева, Н.И. Вавилова, В.Л. Комарова, М.М. Голлербаха, С.Ю. Липшица, Л.Е. Родина, Ю. Сакса, Л.А. Смирнова, В.Б. Сочавы, В.И. Талиева, Б.А. Тихомирова, Г.Р. Тревирануса и других, а также 18 детальных обзоров «Советской ботанической литературы» (1949–1964). В 1956 г. Лебедев напечатал фундаментальный труд «Введение в ботаническую литературу СССР. Пособие для геоботаников», быстро ставший книгой повседневного использования ботаниками и выдвинувший его в число ведущих биологических библиографов мира.

В эти годы шло его плодотворное сотрудничество с выдающимся библиографом ботаники XX века С.Ю. Липшицем, автором беспрецедентной по полноте сводке³⁸, включавшей персоналии и библиографии всех лиц (от А до К включительно), причастных к изучению растений в России, без разделения на ранги и узкие специальности³⁹. По свидетельству Ал. А. Федорова и М.С. Яковлева, Лебедев оказывал «неоценимую помощь своими справками редакции выдающегося биобиблиографического словаря «Русские ботаники» (ответственный редактор акад. В.Н. Сукачев), что отмечено в предисловии к указанному сочинению»⁴⁰. Вместе с Липшицем Лебедев составил справочник членов Всесоюзного ботанического общества⁴¹ (Л., 1958), а также библиографический справочник к первым 40 томам «Ботанического журнала» и ко всем номерам журнала «Советская ботаника»⁴². Эта работа была продолжена им позднее совместно с К.Б. Архаровой⁴³. Вместе с С.Ю. Липшицем и М.М. Лодкиной Д.В. Лебедев подготовил очерк об истории БИН АН СССР и о фон-

³⁸ *Липшиц С.Ю.* Русские ботаники: Биографо-библиографический словарь. Т. 1–4. М.: Л.: Московское общество испытателей природы, 1947–1952.

³⁹ Сразу после выхода первого тома С.Ю. Липшиц столкнулся с противодействием со стороны Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), тома 2–4 удалось издать, но в 1952 г. готовый т. 5 (Лаасимер-Мюлен) был «не рекомендован к изданию» по указанию секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова. Дальнейшие усилия Липшица и других крупных ботаников по продолжению публикации томов не увенчались успехом. См. подробнее: *Федотова А.А.* История неоконченного словаря С.Ю. Липшица «Русские ботаники» // *Ботанический журнал.* 2012. Т. 97. № 3. С. 381–398.

⁴⁰ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 88. Л. 4.

⁴¹ *Лебедев Д.В., Липшиц С.Ю.* Адресная книга членов Всесоюзного ботанического общества. Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

⁴² *Лебедев Д.В., Липшиц С.Ю.* Библиографический справочник по «Ботаническому журналу». Т. 1–40; 1916–1955 гг. // *Ботанический журнал.* 1956. Т. 41. № 12. С. 1735–1880; *Лебедев Д.В., Липшиц С.Ю.* Библиографический справочник по журналу «Советская ботаника» // *Ботанический журнал.* 1957. Т. 42. № 12. С. 1741–1857.

⁴³ *Архарова К.Е., Лебедев Д.В.* Библиографический справочник по «Ботаническому журналу». Т. 41–50; 1956–1965 гг. Л.: Наука, 1969.

дах его библиотеки⁴⁴, постоянно публиковал также обзоры зарубежной ботанической литературы и рецензии на новые книги. В 1956 г. Лебедев издал «Введение в ботаническую литературу СССР», ставшее настольной книгой для отечественных и зарубежных ботаников⁴⁵. Совместно с В.Л. и В.Г. Левинными он опубликовал путеводитель по библиографическим изданиям по биологии⁴⁶. Вместе с выдающимся историком ботаники и библиографом М.Э. Кирпичниковым, с которым его связывали многолетняя дружба и сотрудничество, Д.В. Лебедев подготовил и издал биобиблиографию С.Ю. Липшица⁴⁷.

Вернувшись в БИН, Д.В. Лебедев не ограничился только библиографическими исследованиями и историей ботаники. При первой возможности он вновь включился в идейную борьбу с лысенкоизмом. Этому способствовало и то, что с 1952 г. ленинградские ботаники первые начали дискуссию по вопросу вида и видообразования, а БИН, Всесоюзное общество ботаников и «Ботанический журнал» стали центрами нового раунда борьбы с Т.Д. Лысенко. Новый директор БИН член-корреспондент АН СССР П.А. Баранов одним из первых попытался для подрыва монополии Т.Д. Лысенко использовать провозглашенный в докладе Г.М. Маленкова на XIX съезде партии КПСС (октябрь 1952 г.) тезис о том, что наука не может свободно развиваться без критики и самокритики. В том же году Баранов направил в Президиум АН СССР записку, в которой говорил о необходимости возобновить работы по полиплоидии и гетерозису со ссылками на работы американских генетиков и селекционеров по гибридной высокоурожайной кукурузе. Именно Баранов был инициатором превращения празднования в 1955 г. юбилея И.В. Мичурина в год торжества идей Н.И. Вавилова и его официальной реабилитации⁴⁸. На страницах «Ботанического журнала» и «Бюллетеня Московского общества испытателей природы», редколлегию которых возглавлял В.Н. Сукачев, в 1952 г. впервые с августовской сес-

⁴⁴ *Lebedev D.V., Lipshits S. Ju., Lodkina M.M.* An outline of history of the V.I. Komarov Botanical Institute of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow; Leningrad: The Academy of Sciences Press, 1962.

⁴⁵ *Лебедев Д.В.* Введение в ботаническую литературу СССР: Пособие для геоботаников / ред. Е.М. Лавренко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

⁴⁶ *Левин Л.В., Левина В.Г. Лебедев Д.В.* Путеводитель для биологов по библиографическим изданиям: справочное пособие. М.; Л.: Наука, 1978.

⁴⁷ *Кирпичников М.Э., Лебедев Д.В.* Сергей Юльевич Липшиц: к 60-летию со дня рождения // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 10. С. 1469–1480.

⁴⁸ *Баранов П.А., Лебедев Д.В.* Забытые страницы из биографии И.В. Мичурина и Н.И. Вавилова // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 5. С. 752–757.

сии ВАСХНИЛ в 1952 г. прозвучала публичная критика воззрений Лысенко на проблемы вида и видообразования.

Вскоре отдельные выступления переросли во фронтальную борьбу всего научного сообщества, включая руководство АН СССР, против лысенковщины в целом. По словам Д.В. Лебедева, в отряде борцов с лысенкоистами, возглавляемом Барановым и Сукачевым, он наиболее тесно взаимодействовал с В.Я. Александровым, Ф.Х. Бахтеевым, О.В. Заленским, С.Ю. Липшицем, Ю.М. Оленовым, В.И. Полянским, Б.А. Тихомировым, Н.А. Чуксановой, В.П. Эфроимсоном, А.А. Юнатовым, М.С. Яковлевым и др. Роль программных документов в этой борьбе сыграли две редакционные статьи в «Ботаническом журнале», написанные Д.В. Лебедевым. Переводы одной из них на болгарский, чешский, словацкий, румынский и итальянский языки позволили интернационализировать новый этап борьбы с лысенковщиной, вовлекая в нее ученых из стран народной демократии и сторонников СССР на Западе⁴⁹. Вторая статья сыграла важную роль в консолидации не только биологов, но и всего научного сообщества СССР в борьбе с лысенковщиной как символом уродливого порождения тоталитаризма в науке⁵⁰. Письмо в Президиум ЦК КПСС с требованием положить конец «лысенковщине» подписали более трехсот отечественных ученых разных специальностей, в том числе крупнейшие математики, физики и химики⁵¹. Тем самым дискуссия стала выходить за пределы биологической проблематики, приобретая характер политической оппозиции ученых, отстаивавших свободу научного творчества, свободу развития науки, в противовес партийно-правительственному аппарату, выполнявшему волю первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, продолжавшего доверять рекомендациям Лысенко.

После 1920-х гг. это был первый акт открытого массового неповиновения властям научного сообщества. Как не раз подчеркивал Лебедев, пикантность ситуации заключалась в том, что власти, призывавшие к развитию «критики и самокритики», поощрявшие письма снизу как способ контроля над номенклатурой, не любили коллективные обращения, усматривая в них угрозу зарождения

⁴⁹ (*Лебедев Д.В., без подписи*). Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования // Ботанический журнал. 1954. Т. 39. № 2. С. 202–223.

⁵⁰ (*Лебедев Д.В., без подписи*). Расширять и углублять творческую дискуссию по проблеме вида и видообразования // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 5. С. 206–216.

⁵¹ В Президиум ЦК КПСС: Письмо 1955 г. [О тяжелом положении в биологии, созданном деятельностью Т.Д. Лысенко и лысенковцев] // Правда. 1989. 13 янв.; *Александров В.Я., Лебедев Д.В.* Это было «Письмо трехсот»: Возвращаясь к напечатанному // Правда. 1989. 27 янв. С. 3.

массовых, неуправляемых инициатив. Все подписанты знали: присоединяясь к коллективному письму, они нарушают неписанные, но всем хорошо известные правила взаимоотношения с властями, и все-таки шли на это, рискуя вызвать гнев властей и попасть в число неблагонадежных. Некоторые, «одумавшись», снимали свои подписи. Были и позиционировавшие себя как борцы с Т.Д. Лысенко, но отказывавшиеся подписать коллективные требования, мотивируя это своим несогласием с некоторыми формулировками. Другие, напротив, говорили, что не со всем согласны, но подписывали, так как в противном случае могли быть заподозрены в трусости. Главное в задумке инициаторов письма заключалось в том, что власть будет вынуждена реагировать на письмо, понимая, что если крупнейшие деятели науки подписывают его, зная о негативном отношении власти к коллективным письмам, значит положение серьезное. «Телефонным правом» и «выкручиванием рук» поодиночке из него не выйти. Нужно было выбирать: или идти на открытый конфликт с научным сообществом или уступить ему. И власть пошла по второму пути. Лысенко сняли с поста президента ВАСХНИЛ, но он остался личным советником Н.С. Хрущева по сельскому хозяйству. При снятии Хрущева в октябре 1964 г. ему это припомнят и с партийной поддержкой Лысенко будет покончено, но тогда критиковать Лысенко все еще было небезопасно.

Тем не менее, в 1957 г. Д.В. Лебедев выступил на партийном собрании в БИН с критикой высказывания Хрущева, утверждавшего: «Лысенко нас никогда не подводил», и показал провал всех рекомендаций «народного академика» и нанесенный им вред сельскому хозяйству. 17 декабря 1957 г. на заседании ученого совета Всесоюзного ботанического общества было заслушано выступление члена-корреспондента Е.М. Лавренко об обвинениях «Известий» в адрес редколлегии «Ботанического журнала», ведущей борьбу против Лысенко. По итогам обсуждения ученый секретарь общества В.И. Полянский зачитал подготовленную Д.В. Лебедевым резолюцию, которая была принята единогласно и опубликована⁵², но по требованию ЦК КПСС, куда попал контрольный экземпляр, все разосланные экземпляры были возвращены для изъятия. В БАН сохранились два экземпляра одного и того же номера, причем в одном была бумажка с надписью «выдавать только по разрешению директора»⁵³.

⁵² Резолюция Совета Всесоюзного ботанического общества от 17 декабря 1957 г. по сообщению заместителя главного редактора «Ботанического журнала» члена-корреспондента АН СССР Е.М. Лавренко // Ботанический журнал. 1958. Т. 43. № 2. С. 312–315.

⁵³ Колчинский Э.И., Конашев М.Б. ЦК, «Ботанический журнал»... С. 35.

В ответ на «кастрацию» «Ботанического журнала» редколлегия ответила третьей редакционной статьей, подготовленной Д.В. Лебедевым, которая и переполнила чашу терпения властей⁵⁴. В ней воедино были сведены сведения о пагубных последствиях для сельского хозяйства лысенковских запретов на исследования гормонов роста растений, мутаций (включая полиплоидию), инцухта межлинейных гибридов кукурузы и т. д. Сопоставляя высказывания лидеров партии и официальных руководителей науки, упоминавших об этих провалах, Лебедев показал, почему в неудачах селекции и семеноводства решающая роль принадлежала Лысенко, подкрепляя каждое обвинение в его адрес цифрами и цитатами. Статья выглядела как итог коллективного обсуждения ошибок народного академика в течение шести лет в «Ботаническом журнале».

Публикация статьи в августовском номере «Ботанического журнала» имела и символическое значение. Ведь в августе было как раз 10 лет с Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., возвестившей окончательную победу мичуринской биологии. Хрущев, возможно, усмотрел в ней прямое издевательство над собой: демонстрация провала всех сельскохозяйственных начинаний Лысенко шла со ссылками на высказывания Хрущева о том, что о научных достижениях надо судить не по словам, а по делам. По свидетельству В.П. Эфроимсона, работавшего тогда в Библиотеке иностранной литературы, в читальном зале за восьмым номером «Ботанического журнала» выстроилась живая очередь. После прочтения статьи журнал сразу переходил к другому читателю⁵⁵. И хотя неистовый Эфроимсон, не раз подвергавшийся арестам за борьбу против Лысенко, пенял Лебедеву за некоторую кротость, мягкость и академичность формулировок, выход статьи, он считал, «победой большого значения». Всем было понятно, на что и на кого замахнулись ботаники. Власть должна была действовать быстро и решительно, так как статья имела огромный общественный резонанс. Дело пахло политическим неповиновением массового научного общества.

Высказанная Эфроимсоном в цитированном письме мечта, чтобы все члены Президиума ЦК КПСС получили и прочитали статью Лебедева, быстро осуществилась. В декабре 1958 г. на Пленуме ЦК КПСС был поднят вопрос об антимиучуринской позиции «Ботанического журнала», позорящего замечательного ученого Т.Д. Лы-

⁵⁴ (Лебедев Д.В., без подписи) О некоторых проблемах советской биологии (По поводу статьи Т.Д. Лысенко «За материализм в биологии») // Ботанический журнал. 1958. Т. 43. № 8. С. 1135–1145.

⁵⁵ Колчинский Э.И., Конашев М.Б. ЦК, «Ботанический журнал»... С. 46–47.

сенко, а затем по указанию Н.С. Хрущева Президиум АН СССР расформировал прежнюю редколлегию «Ботанического журнала» во главе с В.Н. Сукачевым (заместителем главного редактора Е.М. Лавренко, и. о. ученого секретаря Д.В. Лебедевым), которая была заменена, в основном, ведущими лысенкоистами. В письме к Лебедеву от 9 ноября 1959 г., Сукачев писал: «Вы так много отдавали ему сил, Ваши статьи были его гордостью, что трудно забыть все это, я жму Вашу руку и как бывший главный редактор “Ботанического журнала” благодарю Вас за все, что Вы сделали для процветания его. А сделали Вы чрезвычайно много»⁵⁶.

Борьбу с лысенкоизмом Д.В. Лебедев в качестве помощника П.А. Баранова вел по многим направлениям научно-организационной и редакционной работы. 2 октября 1958 г. П.А. Баранов, находившийся в длительной командировке в КНР и из-за этого затянувший с написанием заказанной ему статьи о вкладе Н.И. Вавилова в эволюционное учение, попросил Даниила Владимировича написать статью совместно, и до возвращения Баранова «продумать материал и кое-что набросать»⁵⁷. Сохранились совместные тезисы «Значение работ Н.И. Вавилова в развитии эволюционной теории» с указанием, что доклад не состоялся⁵⁸. Вместе с Ю.М. Оленовым они в 1958 г. обращаются к В.Н. Сукачеву как председателю Комиссии по подготовке к 100-летию юбилею со дня выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина с просьбой оказать содействие в издании небольшой книги «Дарвинизм и проблемы эволюционной генетики» с целью показать значение их взаимодействия для познания органической эволюции⁵⁹. По инициативе историка ботаники А.А. Щербаковой Лебедев весной 1961 г. включается в активное обсуждение макета книги «40 лет советской науки»⁶⁰. В подготовленном им письме к президенту АН СССР А.Н. Несмеянову высказывались соображения по поводу биологических глав этого макета, отмечались недостатки и грубые фактические ошибки разделов, посвященных ботанике, игнорирование в них подлинных достижений отечественных ученых, предлагался подробный, совершенно другой, план главы «Ботаника»⁶¹.

Такую же принципиальную позицию занял Даниил Владимирович при обсуждении раздела биологии проспекта книги «Развитие естественных наук в СССР». В замечаниях от 16 июня 1961 г. он выражал недоумение: «Почему, вообще, в биологическом разделе основное внимание уделяется идеологическим вопросам науки <...>. В результате складывается следующее общее впечатление: в биологическом разделе будет много шума и пустых или весьма спорных фраз»⁶². Им подготовлен проект письма П.А. Баранова от 23 января 1962 г. к председателю Научного совета по кибернетике при АН СССР академику А.И. Бергу, в котором подчеркивается необходимость сохранения биологических статей в «Проблемах кибернетики»⁶³. Наконец, летом 1961 г. при обсуждении Программы КПСС о построении коммунизма в СССР к 1980 г. Лебедев, ссылаясь на Устав КПСС, выступил с критикой Н.С. Хрущева за поддержку Т.Д. Лысенко.

С 1962 г. Д.В. Лебедев выполнял огромный объем административной, научно-организационной и редакционной работы на посту ученого секретаря БИН. Помимо основных обязанностей ученого секретаря по составлению годовых отчетов, планов научно-исследовательских работ, контролю по их выполнению и т. д. он активно участвует в деятельности биологического сообщества. В эти годы Лебедев — член правлений многих научных обществ, советов и комитетов: Национального комитета советских биологов, Бюро Научного совета АН СССР по проблеме «Биологические основы рационального использования и охраны растительного мира», Совета Всесоюзного общества ботаников, Оргкомитета XII Международного конгресса по ботанике. Его награждают бронзовой медалью ВДНХ. Он пишет буквально сотни отзывов на рукописи книг, статей в 3-е издание БСЭ, диссертаций и т. д.⁶⁴ В 1966 г. Лебедев был одним из членов-учредителей Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н.И. Вавилова, которое вопреки мнению «директивных инстанций» избрало первым своим президентом академика Б.Л. Астаурова. В первой половине 1970-х гг. Лебедев играет одну из ключевых ролей в подготовке и проведении XII Международного ботанического конгресса, состоявшегося в Ленинграде в конце июня — начале июля 1975 г.

⁵⁶ Там же. С. 50.

⁵⁷ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 4. Л. 12.

⁵⁸ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1 документальных материалов, биографических, научных и других материалов Д.В. Лебедева. Л. 3.

⁵⁹ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 9. Л. 1–2.

⁶⁰ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 29. Л. 1–2.

⁶¹ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 20. Л. 1–10.

⁶² Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 13. Л. 1.

⁶³ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 52. Л. 1–5.

⁶⁴ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1 документальных материалов... Л. 3–8.

В ЛО ИИЕТ

До перехода сектора истории и теории эволюционного учения из ЛО ИИЕТ в БИН в 1975 г. Д.В. Лебедев в основном сотрудничал с К.М. Завадским, с которым они были знакомы еще с довоенных лет, сначала как оппоненты, а затем как соратники в многолетней борьбе против Лысенко. Лебедев иногда приходил на семинар по эволюционной теории, выступал с докладами на конференциях, в частности о харьковском ботанике В.Н. Талиеве. Хотя он не защитил даже кандидатской диссертации, считался признанным специалистом по истории и библиографии биологии. Профессионально судил о генетических и ботанических работах, был известен рецензиями на новейшие труды в этих отраслях биологии и пользовался огромным авторитетом в биологическом сообществе СССР. Его связывала многолетняя дружба со многими видными биологами. Завадский в разговорах со мной не раз характеризовал его: «Мудрый как змий» и советовался с ним по сложным научно-организационным вопросам. К тому времени Лебедев уже был ученым секретарем и ключевой фигурой в руководстве БИН. Выдвинувший его на этот пост, директор БИН член-корреспондент АН СССР Ал. А. Федоров всецело доверял ему⁶⁵ и фактически поручил руководство текущей административной работой.

Именно по предложению Лебедева в 1974 г. К.М. Завадский, чтобы избежать включения нашего сектора в ИСЭП, ходатайствовал перед Президиумом Академии наук о переводе его в БИН. Эта просьба, поддержанная академиками Б.Е. Быховским, Е.М. Лавренко, Е.М. Крепсом, А.Л. Тахтаджяном, В.Н. Черниговским, членами-корреспондентами А.С. Трошиным, Ал. А. и Ан. А. Федоровыми и др., была удовлетворена. С 1 апреля 1975 г. сектор оказался в БИН, где вначале все складывалось хорошо, прежде всего, благодаря Д.В. Лебедеву и тогдашнему директору Ал. А. Федорову. Планы сектора были приняты и одобрены Ученым советом. Многие сотрудники БИН были учениками Завадского или сотрудничали с ним десятки лет. У большинства сотрудников сектора (К.М. Завадского, Т.А. Аверьяновой, К.В. Манойленко, З.М. Рубцовой, Л.Н. Хахиной) ботаника, физиология и цитогенетика растений были базовыми образованиями, а у других имелись историко-научные труды, связанные с изучением растительного мира. Это создавало возможность для постепенной интеграции в тематику БИН, но всем было очевидно,

что период адаптации к новым (во многом чуждым) условиям будет, трудным и долгим.

Хотя Лебедев числился в нашей лаборатории, общался я с ним не много, в основном при проведении XII Международного ботанического конгресса в 1975 г., а также при решении текущих административных проблем. Однажды меня поразило его умение убрать из текста все лишнее. Эту способность он продемонстрировал, сократив за несколько минут в два раза текст аннотации, несколько раз до этого отредактированный мной и К.М. Завадским. Лебедев был ответственным редактором нашей совместной с К.М. Завадским книги «Эволюция эволюции» (1977). Но в данном случае его роль была формальной. При утверждении в 1976 г. плана Редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР вдруг выяснилось, что теперь у всех книг, включая и написанных докторами наук, должен быть ответственный редактор. Чтобы оставить нашу рукопись в плане РИСО АН СССР, Лебедев, представлявший БИН на этом заседании, назвал себя в качестве ответственного редактора. Доверяя Завадскому, он прочитал книгу только на стадии корректуры, когда ничего существенного нельзя было изменить. Думаю, что если бы он подключился раньше, книга была бы другая, более ясная и четкая. Хотя сам Лебедев ее всегда хвалил.

Даниил Владимирович делал все от него зависящее, чтоб облегчить вхождение нашей лаборатории в коллектив БИН, искреннее считая, что труды Завадского и его сотрудников способствуют повышению общего уровня теоретических работ Института. Административные обязанности не позволяли ему полноценно участвовать в проектах нашей лаборатории, но он успешно представлял ее интересы в дирекции БИН, помогал в решении кадровых вопросов, публикациях, командировках. Когда же Завадский начал добиваться возвращения созданного им коллектива в ИИЕТ АН СССР, Лебедев до последнего момента старался нас удержать, уговаривая остаться, но никаких препятствий для перевода обратно не чинил и даже консультировал Завадского по тактическим вопросам⁶⁶. По согласованию с ним 12 октября 1976 г. на заседании Президиума АН СССР, где слушался отчет о работе ИИЕТ АН СССР за пять лет, было рекомендовано вернуть лабораторию Завадского в ИИЕТ, так как сотрудники продолжали работать по его плану. Но из-за позиции вице-президента АН СССР, председателя Секции общественных

⁶⁵ Колчинский Э.И. Кирилл Михайлович Завадский: 1910–1967. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 264–265.

⁶⁵ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 13. Л. 10–11.

наук П.Н. Федосеева, планировавшего вместе с Ленинградским обкомом КПСС собрать в некий гигантский институт все академические учреждения гуманитарного профиля в городе на Неве, решение вопроса всячески затягивалось.

Неожиданно началась реорганизация в БИН. С уходом Ал. А. Федорова с поста директора в конце в 1976 г. стало выясняться, что хотя подразделение Завадского работает продуктивно и успешно, направление его деятельности не соответствует профилю БИН. Партийные органы требовали от руководства БИН ликвидировать семейственность в кадровой политике и либерализм в работе Ученого совета, а также решительно действовать в отношении непрофильных учреждений, в том числе и лаборатории Завадского, который скончался 2 ноября 1977 г. После смерти Завадского Лебедев продолжал помогать сотрудникам нашей лаборатории найти выход из создавшейся ситуации, хотя по-прежнему считал, что каждому из нас лучше остаться в БИН.

Ко времени нашего ухода из БИН в положении самого Лебедева произошли перемены. Новый директор БИН решил заменить опытного, самостоятельного администратора, предложив на пост ученого секретаря одну из учениц Завадского Т.М. Аверьянову. Произошла рокировка и Лебедев ушел с нами в ЛО ИИЕТ, где оказался чрезвычайно полезным не только благодаря своим энциклопедическим знаниям и исследовательским талантам, но и административному опыту и обширным связям в академических кругах. Человек уникальных способностей, огромной эрудиции, мужества, воли, оптимизма, блестящий ученый и тонкий редактор, к тому же знавший все тонкости академической жизни, Лебедев стал одной из центральных фигур дирекции, советником по многим принимаемым ею решениям.

Вплоть до 1999 г. Д.В. Лебедев был рецензентом или редактором почти всех моих книг и крупных статей. Это он делал всегда совершенно бескорыстно, выполняя огромный объем работы для улучшения каждой рукописи. Бесценным источником для понимания сути прошлых событий стали его рассказы о биологическом сообществе и его деятелях 1920–1960-х гг. Его поведение в общественно-политической жизни в последнее пятнадцатилетие советской власти и в годы перестройки служило примером патриотизма, мужества и гражданственности. Со временем сложилось так, что редкий день проходил без беседы с ним, хотя бы по телефону. Он считал своим долгом информировать меня обо всех значимых событиях у нас в стране и за рубежом, о новостях литературы и научных открытиях, почерпнутых в газетах, журналах и книгах, которые он, казалось,

читал на всех европейских языках. Наблюдая Даниила Владимировича Лебедева в различных жизненных ситуациях, слушая его рассказы о прошлом, проводя интервью, читая его книги и некоторые связанные с ним архивные материалы, у меня сложилось убеждение в бесценности его жизненного опыта для познания недавней истории отечественной биологии.

В ЛО ИИЕТ Д.В. Лебедев основное внимание уделял малоизвестным или замалчиваемым событиям. В качестве члена, а затем ученого секретаря Комиссии по изучению научного наследия Н.И. Вавилова (с 1981 г.) Д.В. Лебедев сделал много для пропаганды научных достижений Н.И. Вавилова и Г.Д. Карпеченко⁶⁷. Много сил и труда вложил он в сбор материалов, в редактирование сборника воспоминаний о В.Н. Сукачеве, вышедшего под редакцией вице-президента АН СССР А.Л. Яншина⁶⁸. Его советами и редакторским умением пользовались авторы практически всех книг по истории борьбы с лысенковщиной, включая ставшие классическими труды Ж.А. Медведева, М.А. Поповского, С.Е. Резника и В.Н. Сойфера, изданные в США, а затем переведенные на ряд языков. В 1985 г. Д.В. Лебедев организовал сообщество единомышленников и подготовил в 1987 г. книгу, дающую как бы коллективный портрет соратников Н.И. Вавилова. Рукопись сборника была включена в план издания, но по ряду причин не вышла в свет. В целом это оказалось благом для книги, так как над авторами и редакторами еще тяготели цензурные запреты, выраженные в директиве «не надо ворошить прошлое», (а без подобного «ворошения» история неизбежно становилась фальсификацией).

Перестройка дала новой стимул для деятельности Д.В. Лебедева в этом направлении. Он активно и остро выступал на многих конференциях, публиковал архивные документы, делился своими воспоминаниями. Уже находясь на пенсии, Д.В. Лебедев заново отредактировал задуманную книгу о соратниках Вавилова, которая была опубликована в 1994 г. к столетию Всероссийского института растениеводства (ВИР). Благодаря открывшимся архивам были существенно уточнены многие факты в жизни вировцев. Практически впервые без всякого умалчивания и откровенного вранья было рассказано о жизни почти восьмидесяти выдающихся генетиков,

⁶⁷ Лебедев Д.В. Георгий Дмитриевич Карпеченко: 1889–1942 // Выдающиеся советские генетики / ред.: Д.К. Беляев, В.И. Иванов. М.: Наука, 1980. С. 37–48.

⁶⁸ Лебедев Д.В. Предисловие // Владимир Николаевич Сукачев: Очерки. Воспоминания современников. Л.: Наука, 1986. С. 7–10.

Д.В. Лебедев и министр экологии СССР Н.Н. Воронцов. Ленинград, 1990 г.

селекционеров и растениеводов, многие из которых отдали свою жизнь ради истины в науке⁶⁹. В октябре 1990 г. за особый вклад в развитие генетики и селекции Д.В. Лебедев в составе группы ученых — борцов с лысенковщиной был награжден высшей государственной наградой — орденом Ленина⁷⁰. По поручению правительства орден ему вручил единственный в истории СССР беспартийный министр Н.Н. Воронцов, который сам принадлежал уже к последующему поколению антилысенкоистов.

Научная деятельность Лебедева в этот период не ограничивалась только историей отечественной генетики. Им подготовлен историко-критический обзор основных трудов по истории ботаники, опубликованных в конце XIX — начале XX вв.⁷¹ В нем в сжатой, но очень информативной форме даны биографические сведения о главных историках ботаники этого периода, в том числе и об авторе первой «Истории ботаники» К. Шпренгеле, а также И. Шульцесе, Г. Бишофе, Э. Мейере, Э. Винклере, К. Ессене, Ю. Саксе, Дж. Грине и Э. Грине, показано их место в развитии ботанической историографии, дан историко-критический анализ основных трудов и раскрыто их современное значение, вскрыты идейные позиции. Книга стала еще одним свидетельством способности Лебедева образно излагать основные события истории ботаники за более чем столетний период ее развития. Кроме того им опубликованы более 30 рецензий на труды по истории и библиографии, каждая из которых была итогом серьезного научного анализа, содержала существенные дополнения, уточнения, а порою и резкую, нелюбезную критику, ибо он никогда не мог простить неточности или небрежности в оформлении научного труда.

⁶⁹ Соратники Николая Ивановича Вавилова: Исследователи генофонда растений / ред. В.А. Драгавцев, Д.В. Лебедев и др. СПб.: ВИР, 1994.

⁷⁰ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 42. С. 1062.

⁷¹ Лебедев Д.В. Очерки по ботанической историографии: XIX — нач. XX вв. Л.: Наука, 1986.

Перестройка

Даниил Владимирович Лебедев проработал в ЛО ИИЕТ до перестройки. Блестящий рассказчик, знаток политики, истории, генетики и ботаники, Д.В. Лебедев стал живым источником сведений о событиях в биологии СССР, о которых нередко не сохранилось следов в самых закрытых архивах. Многие сотрудники ЛО ИИЕТ именно из уст Лебедева впервые услышали рассказы о трагических событиях отечественной истории, многие из которых составили основу сенсационных публикаций времен перестройки, например, об удивительной судьбе Марии Игнатьевны Будберг (Закревской), возлюбленной Р. Брюс Локкарта, М. Горького, Г. Уэллса и др., которую считали «красной Мата Хари» и агентом нескольких разведок. Лебедев всегда был готов прийти на помощь коллегам, но не терпел малейших неточностей в датах, инициалах и т. д., приучая молодых коллег все проверять и перепроверять, повторяя постоянно, что каждый историк должен следовать двум правилам: «Первое: никому не верь. Второе: не верь самому себе». Подобно Ю.М. Лотману Лебедев утверждал: «Ошибка в тексте научного труда равна обману по жизни». Для него был жуликом каждый, кто не работал с первоисточником, беря сведения из вторых или третьих рук, да еще без ссылок.

Однажды я нашел в архиве письмо В.Н. Сукачева, который для Лебедева был «честью и совестью советской биологии», к И.И. Презенту начала 1930-х гг. Письмо показывало, как непросто научное сообщество воспринимало идеи главного идеолога Лысенко в период их зарождения и, что в те годы ученые пытались порой использовать их в научных дискуссиях. Лебедев расстроился, прочитав письмо. Но, когда я спросил, стоит ли я его опубликовать или лучше о нем забыть, чтоб не бросать тень на уважаемого им человека, Лебедев ответил твердо: «Надо обязательно публиковать. Это правда, а она не бывает удобной или неудобной». Я сослался на этот документ. Насколько мне известно, это несколько не приуменьшило вклад Сукачева в развитие отечественной биологии и в ее защиту в 1940–1960-х гг.

Лебедев был убежденным либералом и демократом, не принимая тоталитарные формы правления не только в науке, но и в политической жизни. Он знал десятки европейских языков, постоянно покупал иностранные газеты, снабжая нас бесцензурной информацией о событиях во многих странах мира. Когда у его боевого друга В.В. Огурцова был арестован сын И.В. Огурцов, создавший в 1960-х гг. организацию для вооруженного свержения брежневского режи-

ма, Лебедев, будучи членом КПСС, открыто поддерживал и сына, и родителей, ходил на суды, организовывал сбор подписей за смягчение наказания и соблюдения условий содержания в тюрьме и т. д. Это явно не нравилось горкому партии и как-то раз его инструктор на партсобрании ЛО ИИЕТ рекомендовал обновить кадры, отправив Д.В. Лебедева на «заслуженный отдых», но мы привели контраргументы и вопрос в тот раз был снят. В то же время Даниил Владимирович искренне был верен идее коммунизма и считал возможным ее воплощение в реальность. Если говорить о его политических убеждениях, то это был на первый взгляд странный, но очень характерный для шестидесятников некий симбиоз либерализма и коммунизма. Вероятнее всего, либерализм он воспринял от своего отца, а коммунизм от его брата Керженцева.

В 1989–1991 гг. Даниил Владимирович был избран членом бюро общественно-политического клуба научной и творческой интеллигенции «Ленинградская трибуна» и был одним из главных составителей коллективных заявлений по поводу событий, происходивших тогда в стране, отстаивая всегда либерально-демократические и общечеловеческие ценности, но давая отпор экстремистам и радикалам, призывавшим к немедленному разрушению всего, развалу СССР, огульному охаиванию всех членов партии.

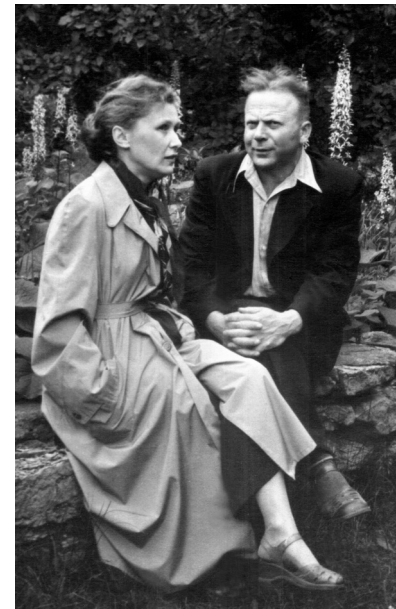
Д.В. Лебедев, бесспорно, входил в число интеллектуальной элиты Ленинграда–Санкт-Петербурга. В его доме бывали не только известные ученые, но и писатели, художники, журналисты. Он был единственным соросовским профессором и почетным академиком РАЕН, не имевшим даже кандидатской ученой степени. Отсутствие оной не помешало ему стать автором многих научных работ, включая сотни публикаций в престижных по нынешним временам ВАКовских журналах и трех монографий. Под его редакцией вышло 27 книг.

Лебедев пользовался непререкаемым авторитетом знатока книги, он долгое время был членом правления общества книголюбов при Доме книги и Секции книги и графики при Доме ученых. С 1989 г. Лебедев — член Библиотечного совета при Президиуме СПб НЦ РАН. Трудно представить, чтобы кто-то еще мог так самозабвенно любить книгу. Он не мог уйти из магазина, не купив какой-либо книги, его большая 4-комнатная квартира вся была уставлена книгами, справочниками, энциклопедиями. Только за время нашего знакомства он несколько раз сдавал книги в академические библиотеки, но они вскоре вновь заполняли все его жизненное пространство.

Лебедев мужественно воспринимал все неудобства преклонного возраста, жалуясь только на то, что лишен возможности посещать

выставку новых поступлений в БАН и ходить по книжным магазинам. Искренне радовался, когда директор БАН В.П. Леонов, оказывавший огромную поддержку Лебедеву в эти годы, привозил его специально в БАН на выставки новых поступлений и на заседания редакционного совета по изданию монографии репрессированного книговеда и библиографа Н.В. Здобнова «История русской библиографии с древнейших времен до наших дней», где общался с сыном Николая Васильевича — Ростиславом Николаевичем Здобновым⁷². Такой же любительницей книг была его жена доктор наук Ирина Васильевна Гудовщикова, работавшая в Ленинградском институте культуры. Каждый, кто бывал в их доме, был поражен горевшим здесь всегда огнем их огромной взаимной любви, а также порядочности, гражданской мужественности и разума. Даниил Владимирович тяжело переживал ее потерю в 2000 г., скорбя, что как атеист не может даже рассчитывать на воссоединение после смерти. Лебедев скончался 15 июня 2006 г. на 91 году жизни.

Одно общение и сотрудничество с подобным человеком и его супругой было постоянным уроком мастерства ученого и нравственного воспитания. На всю жизнь я запомнил некоторые шуточные, но всегда точные замечания Лебедева и многократно убеждался в их правильности. Например: «Высшее образование обостряет все способности человека, в том числе глупость и подлость»; «Процент дураков одинаков в любом сообществе от дворников и разнорабочих до академиков и министров»; «Для этого мало быть сволочью, надо еще быть и дураком». Не раз он мне предлагал в шутку написать книгу «Академология», уделив центральное внимание тому, кто, почему, за что, как и благодаря кому стал академиком. В какой-то степени эту задачу недавно выпол-

И.В. Гудовщикова и Д.В. Лебедев

⁷² Леонов В.П. Библиотека... С. 144.

Заседание в БАН, посвященное
285-летию Библиотеки, 1999 г.
(рядом З.И. Морозова)

нил академик Ю.А. Золотов⁷³. Правда, на мой взгляд, более интересен вопрос: «Кто и почему не стал академиком?». Ведь отсутствие многих славных научных имен в составе академий разных стран кажется удивительным для историка науки. Возможно, и здесь сказывается закон нормального распределения Гаусса.

Борец за чистоту науки, знаток книги, истории, политики, библиографии, литературы и языков, эрудит высокого класса, отличный стилист и душа

общества — все эти характеристики далеко не исчерпывают многогранный облик Д.В. Лебедева⁷⁴.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.П. Леонов</i>	
Даниил Владимирович Лебедев.....	5
<i>Э.И. Колчинский</i>	
«Чтоб помнил и почитал учителей...»	11

⁷³ Золотов Ю.А. Выборы в Академии наук. М.: Физматлит, 2011. 208 с.

⁷⁴ Я хотел бы поблагодарить А.А. Федотову и сотрудников архива и библиотеки БИН, оказавших содействие в поиске архивных материалов, Елену Константинову за разрешение публиковать фотографии из архива Д.В. Лебедева, М.П. Лепехина за ценные замечания и содержательную рецензию, а так же С.И. Зенкевич и С.В. Ретунскую, прочитавших внимательно рукопись и внесших необходимую правку.

Технический редактор
М.В. Томшина
Отпечатано в ОПП Библиотеки РАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 2,625. Тираж 100. Заказ № 88.

К 100-летию со дня рождения

ДАНИИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ
(1915–2015)

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

